

HAL
open science

Russkaja grammatika i metodika Žana Soie (Pariž, 1724) kak intellektual’nyj pamjatnik Petru Pervomu.

Sylvie Archaimbault

► To cite this version:

Sylvie Archaimbault. Russkaja grammatika i metodika Žana Soie (Pariž, 1724) kak intellektual’nyj pamjatnik Petru Pervomu.. Aleksandr Kobak, Olga Kuvaldina. Petrovskie pamjatniki Rossii i Evropy, Izučenie, soxranenie, kul’turnyj turizm [Monuments à Pierre le Grand en Russie et en Europe, Etude, conservation, tourisme culturel], Evropejskij Dom, 2016, 978-5-801-5037-14. hal-01903678

HAL Id: hal-01903678

<https://hal.science/hal-01903678>

Submitted on 6 Nov 2018

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Таким образом, повествование А. Гордона значительно дополняет сведения о пребывании Петра I во Франции и осмотренных памятниках по сравнению с русскими источниками. Однако невыясненным остаётся вопрос, откуда он черпал свои сведения. Его рассказ во многом совпадает с фактами, освещаемыми визит Петра I во Францию, изложенными в газете «Le Nouveau Mercure», издававшейся бывшими советником и секретарем короля П. Ф. Бюше¹⁴. Возможно, сведения были почерпнуты Гордоном именно из этой газеты, хотя нельзя исключать и других источников. С. А. Мезин предполагает также наличие некоего общего официального источника в Париже, откуда газеты получали материал¹⁵. Знания и впечатления, полученные во Франции, как царём, так и членами его свиты, повлияли в дальнейшем на процесс осмысления и претворения в жизнь в России европейских традиций создания памятников и мемориальных мест и формы их художественного воплощения.

В конце своего рассказа о царствовании Петра Александр Гордон упоминает ещё об одной реликвии — бутике Петра I, привезённом в 1723 году из Москвы в Санкт-Петербург. Гордон связывает это событие с увлечением Петра мореплаванием и кораблестроением, которое он приобрёл благодаря этому судну. Автор подчеркнул, что судно было построено самим Петром с помощью «английских плотников». Однако в действительности, судя по источникам, английский бот был выпущен в Россию около 1640 года и хранился в Измайлове в одном из амбаров¹⁶. Появление судна в Санкт-Петербурге сопровождали празднества и увеселения (участие в смотре Балтийского флота в Кронштадте 11 августа 1723 года), а ботик получил имя «Ледушки», «чтобы будуще поколениа могли узнать о создании мочушественного флота всех видов, который ныне можно увидеть в России»¹⁷. Гордон писал также, что бот был помещён в особый «каземат», имел в виду, вероятно, Петропавловскую крепость. Скорее всего, Гордон узнал о чествовании ботика из письма французского посла в Петербурге.

Таким образом, книга Александра Гордона является важным источником, существенно дополняющим сведения как о жизни и деятельности Петра, так и о памятниках, посвящённых ему или появившихся на его представление о необходимых в России преобразованиях.

¹⁴ Там же. С. 36, 70–76.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ *Veselaio Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 75–76.

¹⁷ *Gordon A. Op. cit.* Vol. 2. P. 245–246.

Аршемо Сильви
(Франция)
Смертный научный сотрудник
Французского государственного центра
научных исследований (CNRS / Paris-Sorbonne)

«Русская грамматика и методика» Жана Соје (Париж, 1724) как интеллектуальный памятник Петру I

Теперь признано, что визит Петра I во Францию послужил началом создания целого направления культурных связей с Россией. Они базировались на самой личности Петра, которая очаровала французские учёные круги. Уже в 1706 году в знаменитом издустском журнале «Мемуар де Треву» была опубликована большая статья, в которой прославлялся царь Пётр Алексеевич за развитие науки и желание уничтожить варварство в своём государстве:

«Москвичи станут учёными, и кажется, будто музы изволят проложить путь к Татарии. Вам известно, что они перешли с Востока в Грецию, из Греции в Италию, из Италии в Испанию, во Францию, в Германию, в Англию и в Швецию, где наука развита как никогда. Они проливаются на север, и царь Пётр Алексеевич, имеет замысел изгнать варварство из своих государств».

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим двухтомную грамматику русского языка в сопоставлении его с французским под названием «Grammaire et Methode russe et française» (1724)¹. Эта книга, оставшаяся в рукописи вплоть до издания её Борисом Успенским

¹ *Sohier J.* Grammaire et Methode Russes et Françoises. В 2 тт. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. München, Verlag Otto Sagner, Societas Philologicae Slavicae, 1724. [1987].

в 1987 году, является своего рода нематериальным памятником, прославляющим Петра I. Её автор, Жан Соје, ставит своей целью описать «русский канцелярский язык» и зафиксировать нормы «приказного языка», который «отличается элитантностью и энергией».

ТРИ ПАМЯТНИКА, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ ПЕТРА I

Можно считать, что во Франции вначале XVIII века было создано три интеллектуальных памятника, посвящённых визиту царя в Париж.

Первый из них является переводителем по достопримечательностям Парижа. Он был подарен Герцогом д'Антен Петру во время его пребывания в Париже в 1717 году. Ещё в 1958 году Павел Берков² выдвинул гипотезу о том, что сочинитель русского перевода описания парижских достопримечательностей — аббат Габриель Жирар (1677—1748), французский драматург, автор трагата по французскому правописанию³ и фундаментального сочинения, посвящённого синонимам⁴.

Вторым памятником является представленная нами сопоставительная грамматика русского и французского языков. Её автор — Жан Соје. Произведение полностью называется «Российские и Французские Грамматика и Методика. Написанные от руки Жаном Соје, переводчиком на церковнославянский, русский и польский языки при Королевской Библиотеке, и разлелённые на две части. В 1724 году». Одна рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции, вторая, на которую нанесена надпись «Грамматика Российская», находится в Библиотеке Арсенала. В том, что эта грамматика была удостоена заслуженного внимания, мы обязаны российским учёным — её факсимильное издание было сделано Борисом Успенским в 1987 году.

Красиво оформленная рукопись состоит из двух отдельных томов. Первый том — «Грамматика», помимо главной части в 453 страницы, содержит посвятельное послание аббату Биньону из 13 листов, написанное на французском языке с расположенным

² *Verkov P.N.* Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730. Trediakovski et l'abbé Girard / Revue des Etudes Slaves. T. XXXV. Fasc. 1—4. Paris, 1958. P. 7—14.

³ *Girard G.* L'Otographie française sans équivoque et dans ses principes naturels, ou l'Art d'écrire notre langue selon les loix de la raison et de l'usage (1716). A Paris, chez Laurent d'Houry, 267 p.

⁴ *Girard G.* 1718. La Justesse de la Langue Française, ou les différentes significations des mots qui passent pour synonymes, Paris, L. d'Houry.

напротив него переводом на русский, а также предисловие на французском.

Второй том — «Методика», содержит 424 страницы; он опирается на большой корпус примеров, сгруппированных в зависимости от возникающих при переходе с одного языка на другой расхождений в конструкциях. Позднее вернёмся к «Грамматике», которая ставит перед собой задачу описать «язык канцелярский, замечательный своей элитантностью и энергичностью».

Что касается третьего памятника, это своего рода надгробный памятник, так как речь идёт о французском переводе аббата Жирара «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича.

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ АББАТА БИНЬОНА (1662—1743)

В 1720-е годы при Королевской библиотеке существовал центр изучения славянских языков. Его зарождением мы обязаны решительной деятельности аббата Жан-Поля Биньона (1662—1743), племянника канцлера Поншартрена, королевского библиотекаря и академика. Он пылается лет заботиться об Академиях и учредил целую сеть корреспондентов и посланцев, ответственных за сбор книг и рукописей, с двойной целью — обогатить коллекции библиотеки и сделать их собранием текстов для разбора. Именно в этой благоприятной среде Королевской библиотеки начало развиваться синхронное изучение старославянского, русского и польского языков.

Жан-Поль Биньон добился от регента создания двенадцати постов переводчиков и переводчиков-синхронистов по восточным языкам и двух синхронистов по церковнославянскому, русскому и польскому языкам. В обязанности переводчиков входило и некоторое количество часов преподавания. Сводки персонала Национальной библиотеки⁵ указывают на то, что в 1720 году был создан пост для Пагенкамшфта, «добавленного их Королевским Величеством к переводчикам, служащим при вышеупомянутой Библиотеке в знак почтения гуманитарных наук и для пользы любознательствующих всех наций» с жалованьем в 250 ливр за квартал. Блендовский был назначен при нём вторым переводчиком, а после заменён Кнабе (с июля 1720 по март 1721 года). Тузен (Gouzin, иногда «Гуссен» Goussin или Gouzin), на самом деле — Жорж-Луи де Гуссен — сын французского врача, находившегося на службе у Петра I в Санкт-Петербурге, выу-

⁵ Их цитирует Мазон: *Mazon A.* «L'abbé Gabriel Girard, grammaticien et pussissant» / Revue des Etudes Slaves. T. XXXV. Fasc. 1—4. Paris, 1958. P. 28—29.

чил язык в России. Поработав преподавателем в Халле, он был назначен в апреле 1721 года первым переводчиком, заменив Пагенкам-пффа. Его ассистентом стал сначала Баггер, а потом Со́йе, который исполнял обязанности переводчика до своей смерти в 1725 году. Именно тогда, в январе 1725 года, Со́йе был назначен первым переводчиком с Жираром в качестве второго переводчика. Жирар сохранил эту должность до своей смерти в 1748 году, то есть в течение 22 лет.

Кроме долгой службы Жирара, эти непрерывные смены показывали, насколько было непросто обеспечить стабильное присутствие переводчиков. Аббат Биньон сам следил за набором, у него были свои требования, о чём свидетельствует его переписка.

Как подчёркивает Жан Со́йе в своём посвящении, грамматика пишется по заказу Биньона для дипломатической канцелярии и ведения переписки:

«Извольте, мой милостивейший Господин, помнить что, егда вы меня своею высокою милостью тому уже три года при начинаннй Академй свободных наук удостоить и употребить меня изволили, vybrать въ Королевской Библиотеке за Переводчика Славенского, Россйского и Польского Языковъ, вамъ, мой милостивейшйй Господинъ, обещаль взволить себя въ состоянїе съ вспоможенїемъ языка Славенского учинить въ малое время поспехи въ Россйскомъ диалекте обученїемъ такъ сильныя, чтобы гоннейшимъ быть съ временемъ въ Королевской Библиотеке достойныя и въ Министровъ Кореспонденцію надлежащія показатъ услуги».

В ПОИСКАХ ОШЕЙ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Этот вопрос плачевно ставил в лингвистической мысли России XVIII века. Как создать норму, не имея возможности связать её с определённой социальной категорией? Какое место должны занимать в этой норме старославянский и местный русский язык? Замечательно, что этот спор, разыгравшийся в России тех времён, имел место и в Париже благодаря этой драматике. По Со́йе, нужно учитывать три языка, в зависимости от узуса, от использования и от говорящего: древнеславянский, «Язык-Мать», диалект «низшего штиля», являющийся местным устным языком с локальными вариантами, что связано с огромным размером территории и разнообразием использующих его народов и, наконец, канцелярский штиль, обладающий своей элитантностью близостью к старославянскому:

«Русский, российский или московский язык — диалект церковнославянского языка, который является ей Язык-Матерью. Он в обиходе во всей России, на севере, неподдаётся от Белого моря, от Архангельска до самых границ персидских, к которым пролегал путь сквозь Астрахань и со стороны Балтийского моря, от Интрии или Интерманландии до границ Китая да через всю Сибирь, не включая в эти земли просторные части Польши, также как и Малороссию, Подолие, Волынь и Украину, где он используется»⁶.

Но язык этих местностей крайне не похож на язык придворный, а штиль, который используют Русские в своих канцеляриях, также сильно отличается от языков этих народов и от того языка, на котором они сами говорят, следовательно пишут они не так, как говорят и говорят не так, как пишут.

Итак, здесь именно о штиле канцелярском я намереваясь рассказать, и его правила дать в своей Грамматике и своей Методике, как о едином наиболее полезном штиле, который необходимо знать, дабы освоить письмо, переписку и понимание книг.

Этот канцелярский штиль элитантен и энергичен; он не коим образом не перенимает силу диалекта, но занимает всю красоту и энергию церковнославянского языка: таким образом, нельзя красиво писать на языке российском без помощи церковнославянского.

Можно плохо говорить, но хорошо писать на языке российском, также как и можно на нём хорошо говорить и плохо писать: и также смешно говорить по-русски так, как на нём пишут, смешно писать так, как на нём говорят.

Значит, существует большая разница между умением говорить на российском языке и писать на нём; первый — обычный язык страны, а второй — штиль людей учёных и просвещённых: первый — то, что

⁶ Начало улучшения очень схоже с Лудольфовским: «Inter linguas divergatim dialectotum patres hant rostemum locum sibi vendicat Slavonica, tam antiquitate, quam vulgato per rylimas gentes usu. Inter Slavonicæ autem originis dialectos, Russica non tantum proxime ad fontem suum accedit, verum etiam per vastissimum tertatum tractum, ab emporio Archangei usque ad Astracan, & ab Ingetmania usque ad Sinæ confinia se extendit: licet nationes inter Siberiam & Sinam sitæ, nempe Ostaki, Jakuti, Tongusi & Daugresses, proprias quoque habeant linguas. Imo non tantum Russica dialecto utuntur, qui latissime patenti Tsarum imperio subsunt, verum etiam Vichantzii Nepici Wilhelmii Ludolfi grammatica russica quæ continet non tantum præscripta fundamenta russicæ lingue, verum etiam manductionem quandam ad grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogotum modi loquenti complices, Germanicæ acque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam latinam ñloquunt. Una cum brevi vocabulatio genum naturalium. Oxonii (Urbegavii, Voris ed), Oxford University Press, Præfatio, A.

собственно называется диалектом, а последний — то, что можно назвать Языком, по отношению с его соответствием с языком переконнославянским, и смешением избранных им слов и оборотов, со-местных с Языком-Матерью».

Этот текст доносит до нас отзвуки бурного спора, разгоревшегося среди просвещённой части русского общества и касающегося преоложения славяно-русской диалексии и определения единой нормы в русском языке.

Описание богатого и разнородного языкового материала показы-вает, что Сойе учились у носителей русского языка. Борис Успенский замечает, что Сойе вероятно общался с выходцами из Юго-Западной Руси, Польши и Великороссии.

ТОМ ВТОРОЙ «МЕТОДИКА»

Главная цель «Методики» — ответить на чётко сформулирован-ный аббатом Биньоном запрос «быть однажды полезной в Королев-ской библиотеке в вопросах правительств или переписки». Корпус примеров на двух языках построен вокруг тематики, потенциально сходившихся к Канцелярии, таких как:

— вопросы гражданского права и судебных практик, касающихся предохранительных и репрессивных мер против покушений на соб-ственность;

— дипломатические дела, касающиеся отношений между евро-пейскими дворами, оценки политических деятелей того времени;

— военные вопросы, военная подготовка, возведение укреплё-ний, расположение защитных сооружений, мирные переговоры;

— более второстепенно: ситуации (из) повседневной жизни, не-сколько острог.

Структура произведения построена так, что русский и француз-ский тексты поставлены друг против друга и рядом расположены четыре текстовых блока для каждого примера. Накладывание одного текста на другой благодаря технике полстрочного перевода, распро-странённого в то время в преподавании латыни, представляет сопо-ставительную грамматику русского и французского языков. Прин-цип состоит в соотнесении двух текстов, чтобы слова как можно лучше совпадали друг с другом. Так как структура у обоих языков разные, автор более или менее глубоко переорганизовывает тексты на обоих языках, прибегая к переделанному на французский лад русскому (в транслитерации) и русифицированному французскому (в дословном переводе).

Этот метод применяется во всём произведении и приводит к со-зданию четырёх смежных блоков: слева — русские тексты, справа — французские (*илл. 1*). Слева сверху находится красиво выписанное русское предложение на кириллице, снизу — в фонетической тран-скрипции на латинице, справа сверху представлен дословный пере-вод, где лексическая и синтаксическая структура калькируют лекси-ческую и синтаксическую структуру русского предложения и, нако-нец, справа снизу видно «элегантное» французское предложение. Главным результатом такого представления является подчёркивание различий в конструкциях обоих языков. Оно также позволяет, благо-даря предложением-образам, угадываться в переводе с иностран-ного языка на родной и наоборот, и запоминать характерные конст-рукции русского языка.

Сойе оправдывает использование транслитерации и дословного перевода педагогическими причинами и рассуждает таким путём приблизиться к «духу языка»:

«Помимо тех трудностей, которые доставил мне во второй части этой книги перевод русских букв (из) моих предложений на фран-цузские, что я написал прямо снизу, я изволил ещё заставить себя перевести их в духе языка, то есть дословно, и расположил этот перевод рядом (напротив и сверху) истинного французского значе-ния, для удобства и удовлетворения тех, кто начинает изучать этот язык и не усугублять и без того уже немалые трудности».

В начале XVIII века дух языка — модное выражение, которое используется, чтобы приукрасить названия драматических произ-ведений, посвящённых французскому языку. Оно всё чаще исполь-зуется в этом риторическом значении, и всё больше становится хва-лебным обшним местом национального языка. Выражение было вве-дено в пользование Амаблем де Бурзе (*Amable de Bourzeus*, 1606–1672)⁷, в его торжественной речи «О замысле Академии и разных духах языков», произнесённой 12 февраля 1635 года, чтобы дать от-чёт о «своеобразиях красноречия»⁸.

Видно, что Сойе использует выражение в его полном смысле: предстоит именно *вычитать дух русского языка* из собой структуры этого языка, противопоставляя её той организации, которую подра-зумевает французский язык. Как мы уже видели выше, сопоставле-

⁷ В 1634 году Ришелье выбрал его в качестве одного из тринадцати членов Академии (см. *Sgard J. Dictionnaire des Journalistes* (1600–1789). Notice №. 109.

⁸ См.: *Archambault S. и Wakoienko S. Un compositiste avant la lettre: Ivan Patevzev et ses «Réécrites de la rectitude grammaticale russe... à l'usage des Ukrainiens»* (1782). P. 37–38.

Примеръ Шеллшого l'exemple à roye du Ven
 Чертъ на допозанію упо: pour preuve d'espera
 вального. Воскресенія resurrection des morts
 мертвыхъ неслышавшыхъ, ils presentent.
 прімеръ Шелкового on rapporte l'exemple
 Точервѣ къ доказанію ду. Вѣв а роіе pour
 оупавашемого возресе: faire voir la resurrection
 нѣа мертвыхъ предствлѣіаіот. des morts.
 Это томы города. so cela celle là ville en
 Франціи гарт. скѣ France ou de tous les
 чище говорять. plus puxem. ils parlent
 ето тотъ городъ во Фран: c'est la seule ville en
 тѣи гдѣ вѣрѣтъ чѣрѣ: France ou on parle
 чѣрѣ говоріаіот. le mieux.
 Знають ли ето гдѣсь? connoissent-ils le ici?
 знаіот ли іево гдѣсь? le connoit-on ici?

спрашиваютъ меня, на: ils demandent me, il faut
 на мнѣ болнова поствити. à moi malade visiter.
 спрашиваіот меня, он мѣ demande pour aller
 на да мнѣ болнова поствити. visiter un malade.
 вѣста тамъ на холодо toujours là au frais
 снарѣтъ, и мнотъ елмен ils sont assis, et beau:
 снарѣтъ. coup de ferbs ils voient.
 вѣгда тамъ на холодо: on y est toujours assis
 но сидѣтъ, и мнотъ јеіе: au frais, et on y voit
 мнѣ видѣтъ. beaucoup de ferbs.
 (назвѣдали мнѣ, мой ils ont dit à moi, Mon:
 господинѣ, что вы гдѣсь сидѣтъ, que vous icy
 сидѣтъ. avez etc'.
 (назвѣдали мнѣ, мой on m'a dit, Monsieur,
 господинѣ, чѣрѣ вы гдѣсь сидѣтъ. que vous avez etc'.
 сидѣтъ built.

ние русского оригинального текста и французского русифицированного предложения способствует осознанию различия в том, что Барсов позже назовет «словосочинением», словосочетанием: сочинение, подчинение, безличные обороты, важность частей речи и, естественно, глагольная конструкция или управление, порядок слов, распределение частей и предложений в случае самых длинных примеров. Примеры собраны, главным образом, не по темам, как было принято в то время, а по сложности перевода. Среди отклонений в синтаксической организации русских и французских предложений учитываются стязательные формы прилагательных, степени сравнения, косвенные обороты и так далее... Дух русского языка пронизывает этот русифицированный французский пример, который в сопоставлении возводится до элегантного французского.

Существует довольно широко принятое мнение, что в плане распространения русского языка поэтка Петра I прошла безрезультатно⁹. Так, известный французский лингвист Жак Вейренк утверждает, что «приезд Петра Великого вызвал лишь поверхностное любопытство». Мы попытались доказать ошибочность такой оценки, проанализировав условия возникновения «Грамматики» Соёе и показав, каким образом она обобщила присущие той эпохе различные точки зрения на описание языков. На самом деле «Грамматика» Соёе заслуживает признания и является интеллектуальным памятником Петру I.

⁹ См.: *Leypens J.* Histoire de la slavistique française. Beiträge zur Geschichte der Slavistik in nichtslawischer Ländern, herausgegeben von J. Hampp und G. Wytzens. Wien, 1985. P. 245–303.